НОЕВ КОВЧЕГ

Рассказ

Иногда мне кажется, что международные университеты – это Ноевы ковчеги, где собираются студенты различных культур, отличающиеся друг от друга, как виды животных: жираф от динозавра или слон от черепахи. Целью этих учебных заведений является научить их, таких разных, одному и тому же, насколько это, вообще, возможно. Давайте приоткроем дверь в класс композиции и понаблюдаем, что из этого получается.

Слева в учебной аудитории за первым столом расположились две девушки. Голова одной из них была повязана большим, ярким и очень дорогим платком, созданным известнейшей компанией «Гермес», по слухам, у самой элегантной женщины мира, королевы Великобритании, уникальных платков этой знаменитейшей торговой марки было всего штук шесть. Сама же девушка была одета в стильные облегающие джинсы и свободную голубую рубашку с глухим воротом. Запястья её украшали золотые браслеты явно старинной и тонкой работы. Подруга, сидящая рядом с ней, была облачена в более традиционный наряд женщины Ближнего Востока. На ней была абайа цвета пустыни из дорогой тонкой шерсти, расшитая камнями и стразами, лицо же прикрывала прозрачная никаба или полумаска, украшенная натуральным розовым жемчугом. Обе девушки слыли прелестными хохотушками и болтушками, удивительно похожими на двух беззаботных чирикающих птичек.

За ними на следующей парте расположились парень из Латинской Америки, в джинсах с дырами на коленях и бахромой, в майке с портретом Че Гевары, и маленькая индуска в сине-красном сари с обнажёнными руками-рукавами, расписанными узорами, выполненными натуральной краской, скорее всего хной. Невообразимо причудливый орнамент начинался от крошечных

красных ноготков девушки, сплетался и расходился, как струящийся свет, создавая иллюзию мерцающих рук. Похоже, что красота трёх девушек, окружавшая парня, сильно его волновала. Поскольку несмотря на чудовищную аллергию из-за запаха индийского кари и восточных благовоний, чихание и слезящиеся глаза, он упорно продолжал сидеть именно на этом месте.

Следующий стол занимали очень стильные азиаты, будущие дизайнеры. Выстриженные фигурной лесенкой локоны различных цветов: белого, жёлтого, бирюзового и розового – придавали им сходство с цветами, а черные бриллиантики в ушах и ямочки на щеках в сочетании с короткими пиджаками и узкими брюками еще более усиливали это впечатление.

В другом, правом ряду, за первой партой вальяжно развалились два сауда, холёные и готовые купить весь мир, в дорогих джинсах, майках и в шлёпанцах на босу ногу. Их стол находился на расстоянии вытянутой руки от девушек-арабок, за которыми они внимательно и холодно по-кошачьи наблюдали, готовые в любой момент прыгнуть за добычей.

За ними следовали – невозмутимый японец в тирольской шляпе с пером, непрерывно наигрывающий что-то на воображаемой гитаре, и китаянка, беспрестанно что-то жующая и шуршащая бумажками. И, наконец, представляемую картину завершали двое ничем непримечательных европейца: испанка с синими глазами, в шортах и короткой маечке с вдетым в пупок колокольчиком и чех с роскошной копной светло-русых волос и татуировкой в виде красно-зелёного змея на правом плече. Молодой человек поигрывал своими роскошными бицепсами, змей шевелился и кивал молодой испанке, которой явно это нравилось.

Алиса, учитель композиции, рыжеволосая и конопатая ирландка, положила на каждый стол описание одной и той же неоконченной ситуации и предложила студентам её продолжить, исполнив попарно диалог.

Ситуация заключалась в следующем. Скотт и Трэйси работали вместе в одной компании, где познакомились и начали встречаться. Через три года близких отношений молодой человек завёл роман с лучшей подругой своей возлюбленной. Любовники расстались, но продолжали поддерживать на работе внешне дружеские отношения. Год спустя Скотт вернулся к своей прежней возлюбленной, оставив подругу-разлучницу. Несмотря на душевную травму Трэйси всё это время хорошо и много работала, и её повысили в должности, назначив начальником

Скотта. На новой должности девушка регулярно задерживалась в офисе допоздна. Молодой человек часто начал проводить время в баре один, где как-то случайно встретил подругу-разлучницу. Они засиделись у стойки и, вспомнив прошлое, провели ночь вместе. На следующее утро Скотт пришёл на работу и встретил Трэйси. Студенты должны были придумайте диалог при их встрече в офисе, а потом исполнить его.

Скромницы-арабки, составившие первую пару, вышли перед классом и очень тихо, скомкано, практически заикаясь на каждом слове, прошелестели заданный диалог. Для них ситуация была абсолютно не понятна и не ясна, аморальна и нереальна, попирающая все законы общества, в котором они выросли, где разговор с любым мужчиной вне стен дома строго запрещался, а за супружескую измену было положено суровое физическое наказание, вплоть до смертельной казни. Но урок есть урок, и девушки покорно начали говорить:

– Здравствуйте, мэм! – сказала первая девушка почти в предобморочном состоянии.

– Здравствуйте, Скотт! – повторила её подруга, не поднимая глаз от пола.

– Я ещё не имел случая поздравить вас с новой должностью и хочу сказать, что я всегда мечтал работать под началом такого менеджера, как вы.

Вы – самая лучшая, Трейси, я всегда буду не достоин вас и буду стараться быть самым преданным вашим подчинённым. Простите меня за прошлые мои ошибки, – продолжила необычайно смелый для себя диалог первая девушка и с вызовом посмотрела на побледневших от бешенства саудов.

– Ты прав, Скотт, нам надо на работе сохранить хорошие официальные отношения. Я рада, что ты всё правильно понял без лишних объяснений. Задания тебе теперь будет давать Мэг, а я через неё буду контролировать их исполнение. Хорошего тебе дня,– протараторила вторая девушка, всё так же глядя вниз и позванивая своими браслетами.

– И вам хорошего дня, Трэйси! – закончила этот такой непростой для себя диалог первая.

Ребята засмеялись и зааплодировали смущённым девушкам, на место которых вышла вторая пара. Парень, почесав небритую щеку и лицо отца Боливарской революции на своей груди, нагло заржал в лицо куколки в сари и начал говорить:

– Привет, Трейси! – смеялся мачо.

– Как твои дела, Скотт! – с вызовом ответила маленькая индуска и гордо приподняла голову.

– Ты сегодня источаешь потрясающий аромат тонких духов, дорогая начальница. Невозможно поверить в то, как ты изменилась: похорошела, стала стройнее и выше. И наконец-то перестала есть кари. А то у нас уже пол-офиса из-за этого запаха принимает антиаллергические препараты, – мстительно и с издевкой отчеканил парень и громко высморкался в носовой платок.

При слове «кари» слушатели сложились пополам от хохота, а маленькая индуска мило улыбнулась и, как ни в чём не бывало, ответила:

– Спасибо за комплименты, мачо! Теперь, судя по твоему глубокому дыханию, я действительно начинаю тебе нравиться.

Учебная аудитория, явно настроившись на игривый лад, приготовилась слушать третью пару. Разговор инициировал бело-розово-фиолетовый цветок, в такт ему вторил жёлто-голубой:

– Здравствуй, Haney! (в переводе медовый или дорогой) – проговорил первый и поправил свою бело-розо-фиолетовую чёлку.

– Здравствуй, Haney! – ответил ему второй и томно склонил на плечо свою жёлто-голубую голову.

– Ты сегодня в таком стильном деловом костюме, тонком, властном, – с придыханием продолжал первый.

– Ты тоже загадочно сексуален. Есть тайна, шалунишка? Поделись! – не отставал от него второй и поправил другу лацкан пиджачка.

– Я пытался вчера расстаться с тобой. Это было, как наваждение, как вихрь. Мне вдруг захотелось сравнить тебя с дыханием прошлого, но ты, как всегда победила, и я осознал, что ты – лучшая, и я – твой раб, – самозабвенно читал свой белый стих первый.

– Предлагаешь после работы поиграть во что-то новенькое, котёнок?!

– Да, ты будешь Зорро с лассо, а я – твоим верным слугой, впрочем, как и в жизни.

– Замётано, в девять вечера у меня, – закончили свой диалог азиаты и, взявшись за руки, вернулись на свои места.

Яркие бабочки упорхнули, оставив после себя аромат свежести вместо кари и передав эстафету учебного задания двум

представителям пустыни, боявшимся явно потерять своё достоинство:

– Здравствуйте, Скотт! – начал диалог первый араб, показывая всем своим видом явную скуку.

– Здравствуйте, босс! – зевнул и ответил ему второй.

– Как здоровье вашей матушки? – затянул привычный для мира Востока разговор первый.

– Хорошо, – продолжал позевывать второй, явно рискуя вывихнуть челюсть.

– А как здоровье вашего батюшки? – тянул резину дальше первый.

– Хорошо, – вторил ему приятель.

– А как здоровье вашего солнцеподобного дяди? – решил перечислить всю родню первый.

– Хорошо, разрешите мне сказать, босс? – проснулся, наконец, второй.

– Продолжай, – тоном серьезного босса сказал первый.

– Вчера разговаривал со своей матушкой, и она поведала мне, что я достаточно вырос и богат, чтобы иметь двух возлюбленных, – выдал предположение первый и многозначительно посмотрел на девушек-арабок, сидящих прямо перед ним.

– Да, твоя мать – мудрая женщина, бедный мой Скотт, теперь она объяснит твоему солнцеподобному дяде, что поскольку теперь я твой босс, то ты не можешь быть больше моим возлюбленным. Удачного тебе дня, – прочитал по бумаге второй и громко засмеялся своей шутке.

Шлёпанцы, подбивающие розовые пятки, лениво вернулись за свой стол. А японец, держа под мышкой гитару, занял их место. Он измерил китаянку взглядом и, не дождавшись её реплики «Доброе утро, Скотт!», начал фактически монолог:

– Доброе утро, Трэйси-сан! Разрешите поздравить вас с вступлением в новую должность. Я, ввиду катастрофической нехватки у вас времени, вчера провёл эксперимент с вашей подругой: пригласил её в бар и наблюдал за её поведением в обществе, как она ест руками, громко сморкается, смеётся, улыбается невпопад и грызёт ногти. Поскольку ваша лучшая подруга во всём старается подражать вам и практически не знакома с правилами общепринятого в деловом обществе этикета, то сейчас, на новой должности, вам не мешало бы взять несколько уроков у консультанта по бизнес-этикету и поведению. В этой

папке вся необходимая информация по этому вопросу. Жду ваших дальнейших указаний.

В свою речь рафинированный японец вложил всю свою накопившуюся неприязнь и брезгливость японцев к крестьянам китайцам. Азиатские краски удалились, озадачив всех новым ракурсом ситуации.

Двое же европейцев вышли к доске и начали проигрывать диалог, который был для них простым и понятным, чего явно нельзя было сказать об их предшественниках, предававшихся, в их понимании, необузданной фантазии о маловероятных для себя событиях.

– Здравствуй, Трэйси! Подожди, давай поговорим, я хочу тебе всё объяснить! – виновато извиняющимся тоном начал парень.

– Я рада, что ты жив, но слушать твою очередную ложь не хочу. Не надо унижать ни меня, ни себя, – спокойно, но с достоинством, ответила девушка.

– Ты уверена? – продолжал чех.

– Да, мне не интересно имя человека, с которым ты провёл ночь. Ты сделал свой выбор. Пошёл вон из моей жизни, – оборвала струну разговора испанка.

Урок композиции закончился, а я думала о том, что родившись в биполярном и довольно закрытом однородном мире, привыкнув к тому, что есть верх и низ, право и лево, мужчина и женщина, хозяин и слуга, нам очень трудно понять и принять уже существующую другую данность о том, что мир наш быстро уходит в другое измерение, становится многополярным и сложным. И все же нам придётся научиться жить в этом новом-старом Ноевом ковчеге.

ЧАСЫ ТОТА

Рассказ

Прошедшая неделя было необычайно холодной для конца апреля. От Москвы до Чикаго шёл мокрый снег, колючий промозглый ветер опять вгонял людей в зимнюю депрессию. Деревья застыли и не думали покрываться липкой зелёной листвой. Несчастные цветы, уже высаженные в соответствии с планами сезонного озеленения городов, скручивались и вызывали у прохожих не положенную радость, а чувство стыда за эту пла-

новую глупость. Люди и деревья одинаково жалобно скрипели замёрзшими суставами, требуя солнца и тепла – вода в живых организмах не хотела превращаться в лёд. Всё перепуталось и отупело от холода – то ли весны не будет, то ли заодно с ним и лета, то ли, вообще, изменится в худшую сторону.

Ромка проводил эти выходные у бабушки Сони, игрушки надоели, коты Сёмка и Симка, свернувшись в клубок и спрятав на животе свои мордочки, спали каждый на своём кресле. Было холодно и скучно!

«Скорей бы двенадцать часов, тогда бабушка отвезёт меня к Нике делать наш магический проект. Эмели с Алекс в пятницу демонстрировали своего «ловца снов». То же мне “волшебницы”, скопировали из интернета индейский круг с птичьими перьями и наплели всяких «фенечек» и бусинок. Одним словом, девчонки! А в понедельник моя с Никой очередь показывать наше изобретение. Как медленно ползут стрелки по кругу! – думал Ромка и, казалось, взглядом старался подтолкнуть их. – А, как на самом деле: время управляет часами или часы временем? Когда много друзей и я с ними играю, время летит очень быстро и его не хватает, а когда я занимаюсь русским языком с бабушкой, оно, вообще, стоит на месте. Интересно, а есть тот, кто управляет временем?»

– Соня, Соня! – позвал Ромка бабушку и побежал к ней на кухню. – Ба́шка, а кто такой Тот?

– Прости, родной, я не поняла твоего вопроса, – ответила Софья внуку, доставая из духовки пирог с вишней.

– Ну, ты же всегда сама говоришь! Тот, кто выносит мусор, или тот, кто делает радугу, или тот, кто таскает конфеты! Понимаешь, тот – это тот, кто может всё! – быстро начал тараторить Ромка, пытаясь осознать крутящееся у него в голове мысли.

– Вот, видишь, внук, ты совсем плохо знаешь русский язык, если не понимаешь, когда применяется местоимение тот! – начала терпеливо объяснять Софья.

– Пшка, пшка, – что на Ромкином языке означало «подожди немножко». – Это другое! Надо спросить google!

Мальчишка притащил свой ноутбук, сел на пол рядом с бабушкой и быстро набрал на клавиатуре слово «тот».

– Ну, конечно, я так и знал: Тот – это бог, потому что только бог может всё делать! Башка, это древнеегипетский бог мудрости и магии. Он был большим шутником, любил играть в разные игры, мог управлять временем и погодой! Считается, что у

древних греков его называли Гермесом, а в Риме – Меркурием! Я придумал, придумал, мы сделаем с Никой часы Тота, только управлять они будут не временем, а погодой!

– Родной, часы не управляют временем, они его показывают! – дивясь фантазии внука, ответила Софья.

– А наши с Никой часы и не будут показывать время. Мы возьмём из часов только круглый циферблат и одну стрелку, а регулировать они будут погоду или температуру. Ну, как рычаг в твоей духовке. Повернёшь на такое деление – тепло, на другое – горячо, на третье – очень горячо! Это же так просто! Не волнуйся, мы когда сделаем такие часы погоды – я тебе всё покажу, и ты сразу поймёшь! – фантазировал дальше Ромка. – Всё, уже без четверти двенадцать, пирог ты испекла, поехали к Нике.

«Тот–Гермес–Меркурий! Ромка пишет справа налево; сжимает математические примеры, по его словам, как сладкую вату, почти сразу выдавая ответ; любит волшебство, всё время фантазирует, очень быстрый и хитрющий! И потом, мальчик родился в мае, почти во время «майских ид», когда в древнем Риме возвели храм Меркурию. Да, не зря, моя дочь назвала его именем одного из римских близнецов – Романом», – анализировала Софья неизвестно откуда всплывшие в её голове факты, собираясь ехать в гости к Ромкиному другу Нике.

Ника одноклассник Ромки, «обычный американский» ребёнок девяти лет. У него украинская фамилия отца – Петренко, и хотя он родился в Америке, и никогда не был на родине своих предков, но благодаря своей бабушке хорошо говорил по-русски. Когда его отец Майкл преподавал английский язык, в одном из университетов Нагасаки, то влюбился в хрупкую девушку с необычным для японки именем Соня-сан, привёз её в Чикаго, где у них и родилось четверо детей. Ника был старшим, потом шли его два брата близнеца: пятилетние Айван и Дэвид, а младшей в этой семье была трёхлетняя Энни. Ника говорил на трёх языках: на английском, японском и русском, и ходил в три школы: в обычную американскую, и в две воскресные школы – в японскую и русскую.

Мать Ники, Соня-сан, была миниатюрной и прелестной женщиной с необычными для японки синими–синими глазами, унаследованными ею от прадеда, русского морского офицера, жившего в Нагасаки после русско–японской войны 1905 года.

Пленные моряки свободно проживали в этом японском городе, оставив после себя светлоглазых детей и православное

кладбище. Русские офицеры и матросы дали слово чести, что без особого разрешения японских властей они не будут покидать эту страну. Японцы говорят, что чести много не бывает, она либо есть, либо её нет. Японский офицер, а раньше самурай, нарушивший слово чести, убивал себя сам. Так что, если говорить европейским и привычным для нас языком, пытавшиеся бежать русские подлежали казни.

Софья остановила машину перед небольшим двухэтажным домом, в котором жила семья Петренко. Дверь открыл худенький черноволосый раскосый мальчик с синими глазами.

– Здравствуйте, тётя Соня! Проходите, пожалуйста! Привет, Ромка, я тебя жду с самого утра и всё думаю, какое магическое устройство нам с тобой сделать? Пока могу предложить только волшебный меч самурая, но тогда полдня придётся объяснять классу: кто такие самураи, – поприветствовал гостей Ника и с ходу потащил Ромку в свою комнату.

– Привет, тётя Соня. Мама, тётя Соня с Ромой приехали. Пошли с нами играть, мы тебе покажем наших улиток, – подбежали к Софье близнецы Айван и Дэвид, схватили её за руки и повели на середину гостиной.

– Софья, здравствуй, – произнесла точёная, как статуэтка, небольшого роста женщина, глядя на которую невозможно было поверить, что она уже мать четверых детей. – Не могла бы ты поиграть немного с моими малышами, пока я накрываю стол для ланча.

– Здравствуй, тёзка, конечно; держи пирог с малиной к чаю, – ответила Софья и протянула хозяйке дома коробку с пирогом.

– Ура, ура! Тетя Соня будет с нами шалить! Видишь, мы построили целый город для своих улиток. Они здесь живут со своими детками, катают их на спине, едят салат, яблоки и морковку. Ведь улитки очень зубастые, у них у каждой 25 тысяч зубов, и грызут они только свежие и хорошие продукты. А ещё они откладывают яйца, из которых рождаются улитята. Но они рожают и пустые яйца, чтобы их враги не могли найти настоящие с детками, – начал медленно и обстоятельно объяснять старший Айвон. Был он почти на полголовы выше своего брата и шире его в плечах.

– Садись, Соня, на этот стул, закрой глаза и дай руки, – попросил гостью Дэвид, большой выдумщик и проказник. Софья протянула мальчикам две свои открытые ладони. И как только

она закрыла глаза, кто-то прохладный, слегка липкий и живой разместился сначала на правой, а потом на левой руке.

– Ой, – вскрикнула женщина и открыла глаза. На её ладонях лежали большие коричневые раковины с жёлтой полосой, длиной сантиметров десять, из которых выглядывали бурые тела, заканчивающиеся головками с рожками. Моллюски слегка изогнули свои тела и уставились глазками на Софью.

– Ха-ха-ха, мы так и знали, что ты испугаешься! Не бойся, это наши друзья, африканские улитки ахатина, – очень довольные своим розыгрышем, перебивая друг друга, пояснили близнецы.

– Это Ракель – улитка Дэвида, – показал на моллюска в правой Софьиной руке Айван, – а это Гоша – мой моллюск. Подержи немножко, они любят гостей, и потом положи их в город, что мы для них построили.

В правом углу гостиной действительно был построен целый игрушечный город из разноцветного пластмассового конструктора и пластиковых контейнеров. Софья аккуратно опустила левую руку с моллюском в пластиковой контейнер, дно которого было засыпано коричневой волосатой стружкой. Улитка довольно быстро сползла с Софьиной руки в свой домик. Потом женщина повторила тот же манёвр со вторым моллюском, но тот сполз намного медленнее.

– Ага, я же говорил, что мой Гоша намного быстрее, чем твоя Ракель, – радостно закричал Дэвид.

– А вот, и нет, а вот, и нет! Давай, устроим им соревнования по бегу, и тётя Соня будет рефери, – предложил Айвон.

Близнецы тут же начали строить из лего две мини беговые дорожки для улиток. Каждый из них взял своего питомца и посадил в начале игрушечной беговой дорожки. Моллюски немного посидели, а потом, действительно, начали очень смешно перетекать вперёд, неся на себе раковины. Почти сразу вырвался вперёд Гоша, который пришёл к финишу почти на пять секунд раньше, чем Ракель.

Дэвид был очень горд своей улиткой и выговаривал брату:

– Мой Гоша быстрее потому, что у него мужское имя, а твоя Ракель «бессилая», так как у неё имя женское. Я тебе говорил об этом, но ты сказал, что я – глупый. А я – умный!

– Ребята, подождите, но улитки могут быть как мальчиками, так и девочками, – попыталась, тщательно подбирая слова, начать объяснять мальчишкам Софья.

– Да, знаем, мы знаем, тётя Соня, улитки – гермофродиты, – перебил гостью всезнайка Айван.

– А вот и неправда, что девочки «бессилые», – раздался звонкий голос за спиной у Софьи. Это незаметно подошла младшая сестра близнецов, трёхлетняя Энни, таща за собой красно–синий игрушечный грузовик, в кузове которого на листе капусты сидела черепаха. – Когда я вырасту и стану мальчиком, я буду очень сильной!

– Глупая ты, Энни, девочки не становятся мальчиками, ты же не улитка! – быстро ответил девочке Дэвид, схватил черепаху и посадил её в большой контейнер к улиткам.

Черепаха тут же спряталась под своим панцирем.

– А давайте покатаем улиток на черепахе. Ведь катают же они на своей раковине маленьких «улитят».

– Мама, мама, они мою Дусю мучают, мама, мама! – закричала девочка плачущим голосом.

– Ну, как вам не стыдно, опять обижаете сестру, не трогайте её черепаху, сколько раз вам об этом говорить! – откликнулась тут же Соня-сан. – Шагом марш все на кухню есть, стол накрыт! Софья, позови, пожалуйста, Рому и Нику.

Посреди овального стола на кухне стояло большое глубокое блюдо с рисом и курицей, по-японски: тори тяхан. Энни, Дэвид и Айван ели ложками, а все остальные, включая Ромку и Софью, палочками. Обычно, в присутствии отца или русскоговорящих друзей, вся семья говорила по-русски. Когда же дети были только со своей матерью Соней-сан, они говорили по-японски, в англоязычной же среде все общались по-английски. Сегодня был русскоговорящий обед. Соня-сан хорошо знала русский язык, хотя и начала его изучать, только познакомившись в Японии с Майклом Петренко, чтобы лучше понять его и его культуру.

После обеда близнецы поскакали возиться с улиточным городом, Ника и Ромка ушли в комнату продолжить работу над своим проектом, Соня-сан направилась в спальню, на второй этаж дома, укладывать отдыхать Энни, а Софья решила помочь хозяйке дома и убирала со стола. Закончив складывать посуду в посудомоечную машину, Софья заглянула в комнату к Ромке и Нике посмотреть, что они делают.

Мальчишки вырезали круг из плотного картона, раскрасили его в разноцветные тона и прикрепили к центру стрелку, как в часах.

– Это и есть часы Тота, мальчики, а как они работают? – решилась наконец-то спросить Софья.

– Да, башка, это очень просто, – начал объяснять Софье внук. – Тот смотрит в окно и видит всё вокруг белое, и поворачивает стрелку на белое – становится холодно. Когда Тот видит другой цвет, он двигает стрелку на этот цвет, и становится теплее. Мы с Никой сделали волшебные часы бога Тота и в понедельник будем их демонстрировать в классе, на конкурсе магических проектов.

Все оставшиеся выходные и начало следующей недели Софья думала над фантазиями мальчиков и даже начала писать сказку об этом, но шестерёнки в её мозгу замёрзли и никак не хотели работать.

В среду, ранним утром, резкий телефонный звонок разогнал в Софьиной голове ватные обрывки сна:

– Не слышу, звонок, заткнись, ещё ночь, потрещишь и перестанешь, – закрутилась в её уме привычная утренняя мантра, но не тут-то было. Звонок прерывался, когда предлагалось оставить сообщение на автоответчике, а потом начинал радостно верещать снова. На пятой попытке докричаться до Софьиного сознания, ей пришлось сдаться и взять трубку:

– Шесть утра, что случилось? – нечленораздельно процедила она.

– Здравствуй, дорогая! А случилось чудо! По всей земле зарозовело! И ты должна его увидеть! – мурчала трубка. – Только что позвонила из Нагасаки моя бабушка и сообщила, что в Японии зацвела сакура. – Это был голос Сони-сан.

Соня-сан много лет тому назад приехала в Чикаго, родила здесь четверых детей, но очень скучала по родной Японии. И тогда её муж Майкл поехал в ботанический сад и предложил его директору придумать три маленьких японских острова с сакурой, водопадами и садом камней. С тех пор Соня-сан работает в этом ботаническом саду, где в соответствии с правилами древнего японского садового искусства созданы три острова, на одном из которых, в саду камней, растёт сакура или японская вишня. А сама японка, смеясь, называет себя жрицей этого дерева.

Сакура – это вишня с японской душой, она расцветает в северном полушарии почти в одно и то же время. И если, где-то растёт и цветёт сакура – значит, это кусочек Японии, где каждый японец может зарядиться энергией своей родной земли. Для

того, чтобы вырастить такое дерево на чужбине, надо владеть древним искусством и создать ни много ни мало маленький остров, похожий на Японию. И ухаживать за сакурой должны предпочтительно японец или японка.

– Представляешь, дорогая, рассвет увидит сегодня нежно-розовые лепестки сакуры, окутавшие северное полушарие японским дымчатым шарфом, – романтично продолжала уговаривать свою тёзку покинуть теплую постель Соня-сан.

– Твои бы слова, Сонечка, да Тоту в уши, может, наконец-то, потеплеет, – ехидно пробурчала ей в ответ Софья, садясь в кровати и уже решив ехать.

– А кто такой Тот? Интересный мужчина, он тоже едет с нами в ботанический сад? – засмеялась хитрая Соня-сан, почувствовав, что Софья готова составить ей компанию. – А то, в прошлом году, мне было немного жутковато перед рассветом на нашем японском острове. Да и обращённые к востоку благоговейные лица моих соотечественников, закутанных в одеяла, и с фонариками, вызывали неоднозначные чувства. Так что крепкий спутник нам бы совсем не помешал. Только не передавай мои слова Майклу, а то он не пустит больше меня в сад затемно, – продолжала щебетать японка. – Через пятнадцать минут я буду на машине у твоего дома, выходи. Одеяла, стулья и еду я взяла, а кто такой Тот, ты расскажешь мне позже. До встречи.

Соня-сан была женщиной, совершенной во всех абсолютно отношениях, она была пунктуальной и уважала время. Ровно через пятнадцать минут Софья стола у подъезда дома, а маленькая японка припарковывала рядом свой огромный джип.

– Доброе утро, дорогая! Какая ты, молодец, что согласилась! Ты же знаешь, что, если мы увидим лучи рассвета и первые цветы сакуры, весь будущий год обязательно окажется счастливым для нас, наших детей и внуков, – возбуждённо тараторила Соня-сан, ловко управляя своим железным монстром. – А теперь расскажи, кто такой Тот, поскольку о чуде, сакуре и Японии, ты же знаешь, я могу говорить бесконечно? Это, наверное, твоя новая сказка?

– Это действительно сказка, но не моя. Её придумали твой сын Ника и мой внук Ромка в прошлые выходные, когда они у тебя дома делали свой магический проект – часы Тота, – рассмеялась Софья, кутаясь в тёплый плед.

– Кажется, я пропустила что-то очень интересное и важное, рассказывай! – потребовала Соня-сан и лихо вписалась в поворот.

– Попробую, – задумалась Софья и медленно начала рассказывать сказку о том, кто такой Тот и что он делает. – Тот – это старый-старый бог. Он очень любит шутить, смеяться над людьми и щекотать их промозглым ветром. Тот любит играть со временем, погодой и календарём. Иногда он играет с ними в карты, иногда – в кости, а иногда – подкручивает стрелку на «часах погоды». Яркое тёплое солнышко балует людей, лепестки сакуры делают их беззаботными и счастливыми. Глупые люди радуются приходу весны и тепла, освобождают тела от тяжёлой одежды и открывают души, но забывают, что время цветения сакуры скоротечно, а цвет её лепестков слишком нежен и хрупок.

Японская вишня отцветает, приходит пора цветения других деревьев. Просыпается утром Тот, смотрит в окно – и видит яблони, покрытые белыми тяжёлыми шапками.

– Ба, да на яблонях лежит снег, и всё белым-бело – значит, опять наступила зима, а вокруг тепло, снег быстро растает – непорядок!– начинает смеяться Тот, потирая руки в предвкушении своих шуток над природой, и поворачивает стрелку на «часах погоды» на «белое» или на «зиму».

– Да, теперь придётся ждать неделю, пока отцветут яблони, пройдёт яблоневый снег, и ветер подметёт сады, – думают люди, опять одеваются и вновь ждут тепла.

Но хитрый Тот продолжает развлекаться, глядя теперь на цветущую черёмуху. Зима продолжается, считает он. Просто перебралась с черемухи на яблоню или с вишни на черемуху, кто там разберёт этот снег. А уж когда зацветёт дуб, который посадил сам Тот, то про весну, вообще, можно забыть.

На снежных яблонях цветов много, действительно, похоже, будто на ветвях лежат шапки настоящего снега – лёгкого и душистого. Это от того, что яблони – для красоты, а не для урожая. Яблоки же просто сами собой появляются в супермаркетах, красивые такие, яркие, одинаковые: ни червячка, ни зазубринки, ни запаха, ни бактерии, почти стерильные. Рождаются же цыплята в инкубаторах, а детей в родильные дома приносят аисты, и ничего – все об этом знают и в это верят. Иначе бы детям об этом не рассказывали, ведь любой знает, что ребёнка обманывать нельзя. Вот и вкладывают деревья всю свою силу в пустоцветную красоту, на радость людям, да в крошечные яблочки, похожие скорее на твёрдые красные вишни. Эти мелкие плоды

больше всего любят белки: толстые такие, хвостатые, сидят на яблонях всю осень и грызут яблочки.

Проходит время, станет холодно, и начинают яблони умнеть и понимать, что шутки шутками, но возраст у старика-Тота тоже приличный, так что сослепу и заморозить может. Вот и начинают они подмешивать в свой белый яблоневый цвет другие краски: от нежно-розового до алого и бордового. Сначала на замёрзших щеках-ветках яблонь появляется от мороза румянец – такие нераспустившиеся капельки-бутоны. А потом они лопаются и стреляют во все стороны огнём. На фоне деревьев, одетых в белое, загораются костры яблонь. Блики маленьких солнц слепят и будят Тота. Он вскидывает голову и ворчит недовольно:

– Ни минуты покоя, опять цвет поменялся, теплеет, розовеет, а энергия нынче дорогая – кризис, надо экономить, но придётся стрелку «часов погоды» всё же передвинуть на «красненькое».

Полетят тогда искорки-лепестки, смешаются с белым и, о чудо, не поранят друг друга, не убьют, как снег и огонь, а отдадутся ветру и превратятся в розовое конфетти, застилающее землю. А потом пойдёт дождь и будет идти долго-долго. Он смоет белый и розовый цвет. Начнут быстро расти листья, и над землей развернётся зелёный шатёр, и старик Тот повернёт стрелку своих часов на зелёный весенний цвет. Дождь увидит это и успокоится. Когда же лепестки и листья начнут загорать на солнышке, и появятся жёлтый, рыжий и красный цвета, то придётся Тоту перестать шутить и играть на понижение, а повернуть всё-таки стрелку часов на «лето красное». Но уж когда красные помидоры созреют – тут и вовсе нельзя будет энергию экономить.

Жар разгорится до рыжего костра и начнет обволакивать мир теплом, делая его уютным и устойчивым, забирая боль, тревогу и обиду. Жёлто-медные саламандры разбегутся по жилам, и старик Тот ощутит стихию и время без начала и конца, и забудет он и об игре, и о своей скаредности; оглянётся вокруг и увидит мягкий огонь, расплескавшийся по листве, тыквам и хризантемам. Цвет золота, награды и разлуки. Цвет жатвы и конца времён. Цвет тыквенного заката. Почешет Тот старые кости, поворчит, что надо опять всё перенастраивать, и повернёт стрелку на «осень золотую». И мир ощутит прикосновение нежности последней, почти совершенной любви.

– Морока с этими цветами, старику покоя не дают, – бурчит Тот себе под нос. – То белое, то красное... Хотя, с другой стороны, поиграть и пошутить можно, а то совсем скукотища

задушила. У Времени в году больше 365 дней всё равно не выиграешь, так что и в кости с ним играть скучно. Какая же игра без интереса!

– Вот такие волшебные часы Тота изобрели наши мальчики, а как они работают, я поняла только сейчас, рассказывая тебе эту сказку. Постараюсь не забыть, надо будет приехать домой и записать, – закончила свой рассказ Софья, даже не заметив, что машина давно подъехала ко входу в ботанический сад, а Соня-сан положила голову на руль и внимательно её слушает. Потом женщины открыли багажник и достали оттуда складные стулья. Они нагрузились своими нехитрыми пожитками и тронулись в сторону японских островков, где сели у подножия вишен, накрылись одеялами и стали пить горячий ароматный кофе и ждать одного из самых неповторимых и прекрасных представлений в мире – восхода солнца.

И в тот момент, когда солнце вот-вот должно было появиться, и всё вокруг, казалось, особенно контрастным и резко очерченным, Софья представила вдруг себе Тота – не стариком, не птицей, не бабуином, а почему-то гигантской змеёй, прямо сейчас распустившей на востоке свой капюшон и завороженно созерцающей купание лепестков сакуры в лучах утреннего света.

БУСИНКИ

ПО ВОЛЕ ГОСПОДА

Монастырь большой, мужской, когда-то богатый, до революции поезд из Москвы ходил с паломниками ежедневно. Ныне тоже не бедствует, отстроился, с властью дружит.

Купальни там три на святом источнике построены: монашеская, мужская и женская. А за всеми этими купальнями, по благословению настоятеля монастыря, монахиня Анна смотрит. Хранительница источника она. Необычная такая монахиня, не смиренная, с глазами огненными, в женском монастыре не ужилась, вот теперь живёт за оградой мужского, поюродствовать может, особенно с сильными мира сего.

Приехал как-то большой генерал. Матушка Анна после купания подаёт ему чаёк травяной в избе деревянной. А вокруг избы курочки ходят, кошка с котятами играет на солнышке, пчелы на цветах гудят – благодать.

Генерал раздобрел, жарко ему стало, дверь повелел открыть. Вот курочка-то и забежала, прыг, прыг. Как подбросит генерал сапогом курочку да заорёт:

– Кыш, кыш, мерзкая, вон отсюда!

А матушка Анна согнулась сразу, на клюку в руке опирается и беззубым ртом шамкает:

– Курочка, тварь божья, батюшка, по воле Господа ходит, по воле Господа…

Генерал стал бордовым, раздулся... И чуть не лопнул от злости. Да, что возьмёшь со старухи – юродивой.

ЧЕМОДАН БЕЗ РУЧКИ

На привокзальной площади одного из белорусских городов стоит трогательно-смешной памятник чемодану без ручки, на котором терпеливо сидит небольшой человек в шляпе, с длинным носом, одетый в долгополый лапсердак. На чемодане написано «Гомель – Париж, Рио-де-Жанейро, Лондон, Тель-Авив».

Тридцать пять лет тому назад, когда сотни тысяч евреев уезжали из Советского Союза, в стране не было ничего, а главное, не было чемоданов. И тогда один из начальников отдела снабжения, которого весь город знал как человека, говорящего только одну фразу: «Уже отгрузили!», обнаружил, что на фабрике кожгалантереи скопилось огромное количество брака – чемоданов без ручек, и он закупил этот брак для своего завода в качестве тары для инструментов.

И, о чудо, на склад пришли три вагона чемоданов без ручек. Потом двое лучших городских сапожников, Беня и Изя, шивших такие сапоги, что в них можно было даже спать и не только, начали приделывать к этим чемоданам ручки. После чего уже отгрузили совершенно бесплатно всем отъезжающим отремонтированные чемоданы, меняя их на деревянные ящики для хранения инструментов. И никакие ревизии ничего не могли поделать: тара для инструментов была в наличии в соответствии с накладными.

ПРОТИВ ПРАВИЛ

На ипподроме, где пахнет конским потом, кожей и духами, проходили скачки с призом в миллион. В заезде участвовали семь лучших красавцев-рысаков. Эти точёные гордые головы,

мышцы, играющие под горящей на солнце кожей, эти потрясающие щиколотки, заканчивающиеся резным копытом. Вороные, гнедые, пегие. Их владельцы – мужчины одеты в элегантные костюмы, основным же атрибутом женской одежды являлась шляпа.

Фаворитами в финальном заезде были указаны три арабских скакуна, кроме них должны были бежать: орловский рысак, одна английская и две шотландских лошади. Крылья и перья шляп взметнулись, жеребцы полетели.

Три «араба» составили клин и плотно удерживали орловца. Белое пламя билось в чёрной смоле, но не могло вырваться наружу, и тогда у самого финиша орловский рысак прыгнул, перелетел головного жеребца и приземлился за чертой первым.

Трибуны поразил гром, люди прыгали, кричали. Тотализатор был остановлен. Сорок минут победитель не был определён. А потом диктор объявил, что орловский рысак дисквалифицирован, победил арабский скакун – тот, который и должен был победить.

Скачки, лошади, шляпы и строгие правила – это порядок вещей, неизменный, как притяжение Земли.

г. Чикаго, США